

НЕСТАРЕЮЩАЯ КНИГА

Чкаловское областное издательство сделало полезное дело, издав недавно 10-тысячным тиражом «Детские годы Багрова внука» С. Т. Аксакова (1791 – 1859), писателя, занимающего почетное место в русской литературе XIX века и к тому же теснейшим образом связанного с нашим краем. Именно Оренбургский край, родной для Аксакова и страстно им любимый, вдохновил его на создание основных его произведений, доставивших ему неувядаемую славу. Это, кроме названной книги (вышедшей впервые в 1858 году), – «Семейная хроника» (1856 г.) и «Записки ружейного охотника Оренбургской губернии» (1852).

«Детские годы Багрова внука», составляющие продолжение «Семейной хроники», – вещь автобиографическая. Это художественные воспоминания, очень обстоятельные, искренние, написанные прекрасным русским языком, как и все, что вышло из-под пера позднего Аксакова.

Сережа Багров, от лица которого ведется повествование, это сам автор в детстве, а село Багрово, в котором протекла значительная часть его детства, это село Аксаково в нынешнем Мордовско-Боклинском районе Чкаловской области, где до сих пор сохранилась усадьба Аксаковых. В книге немало превосходных описаний степной природы, немало местных пейзажей, которые давно вошли в наши школьные хрестоматии.

Но Аксаков изображает в своей книге не только природу Оренбуржья (точнее – северо-западной его части). В замкнутом, но довольно обширном патриархальном обществе, выведенном в «Детских годах» (как и в «Семейной хронике»), показано немало замечательных русских людей, особенно из крестьян и дворовых, пленяющих читателя своим умом, простотой и глубокой человечностью. Таковы, например, образы дядьки Сережи Багрова – Евсеича, замечательного домашнего юриста-самоучки Пантелея Григорьевича, дворовой девушки «румяной Матрешки», чьи песни навсегда «заронились» мальчику в душу, ключницы Пелагеи, которая рассказывала ему замечательные русские сказки. Одну из них, сказку об «Аленьком цветочке» Аксаков так хорошо запомнил, что впоследствии записал ее по памяти дословно.

Разъезжая с отцом по полям во время летних работ, Сережа Багров восхищался необычайной одаренностью русских крестьян и крестьянок в труде, их ловкостью, сметкой и своеобразным трудовым артистизмом.

Но «эстетика» крестьянского труда не заслоняла от взоров мальчика его тяжести и подневольности. Аксаков не принадлежал к числу писателей, сознательно боровшихся за уничтожение крепостного строя, но он не затушевывал его мрачных сторон, его несправедливости. Мемуары Аксакова – не только «пейзаж и жанр», в них явственны и социальные, гуманистические мотивы, подмеченные в свое время Добролюбовым, который на материале аксаковских мемуаров писал о крепостном гнете и подчеркивал при этом стойкость и выносливость русского народа: «Много сил должно таиться в том народе, который не опустился нравственно среди такой жизни, какую он вел много лет, работая на Багровых, Куролесовых»...

Сильно действовали на впечатлительную душу мальчика дикие проявления помещичьей жестокости, особенно когда они исходили от близких автору лиц. Однажды его бабушка «сидела на своей кровати и пряла на самопрялке козий пух. Вокруг нее, поджав под себя ноги, сидело множество дворовых и крестьянских девочек, выбирали волосья из клочков козьего пуха, ... как вдруг (вспоминает он) неожиданный случай так отдалил меня от бабушки, что я долго ходил к ней только здороваться да прощаться. Один раз, когда мы весело разговаривали с бабушкой, рыжая крестьянская девчонка подала ей свой клочок пуха, уже раз возвращенный назад; бабушка посмотрела на свет и увидя, что есть волосья, схватила одной рукой девчонку за волосы, а другою вытащила из-под подушки ременную плетку и начала хлестать бедную девочку... Я убежал...»

Вообще говоря, мемуары Аксакова дают современным читателям немало материала для поучительных размышлений на тему о том, как жилось их предкам в недоброе старое время и как живется им теперь в советской стране, под солнцем Сталинской Конституции.

Существенный недостаток рецензируемого издания – отсутствие вступительной статьи о С. Аксакове и его творчестве. Странное впечатление

производит также приложенный к книге словарь непонятных теперь слов и выражений. Во-первых, он очень скуден, не объяснены многие слова. С другой стороны – в «словаре» почему-то фигурируют и те слова, которые отлично разъяснены в самой книге – либо в тексте ее, либо в подстрочных примечаниях самого Аксакова.

Хорошее впечатление оставляют обильные заставки и концовки художника Н. Леушина, исполненные с большим вкусом и пониманием стиля эпохи и имеющие не столько орнаментальное, сколько иллюстративное значение.

Остается пожелать, чтобы областное издательство дало в руки чкаловскому читателю другую, запланированную им на 1948 год, замечательную книгу С. Аксакова – «Записки ружейного охотника Оренбургской губернии».

Н. Прянишников